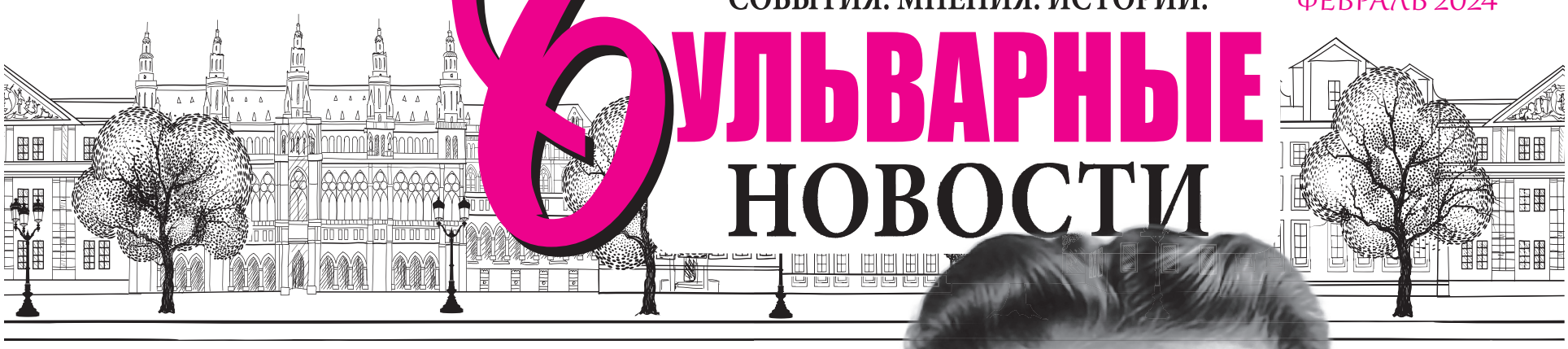
Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

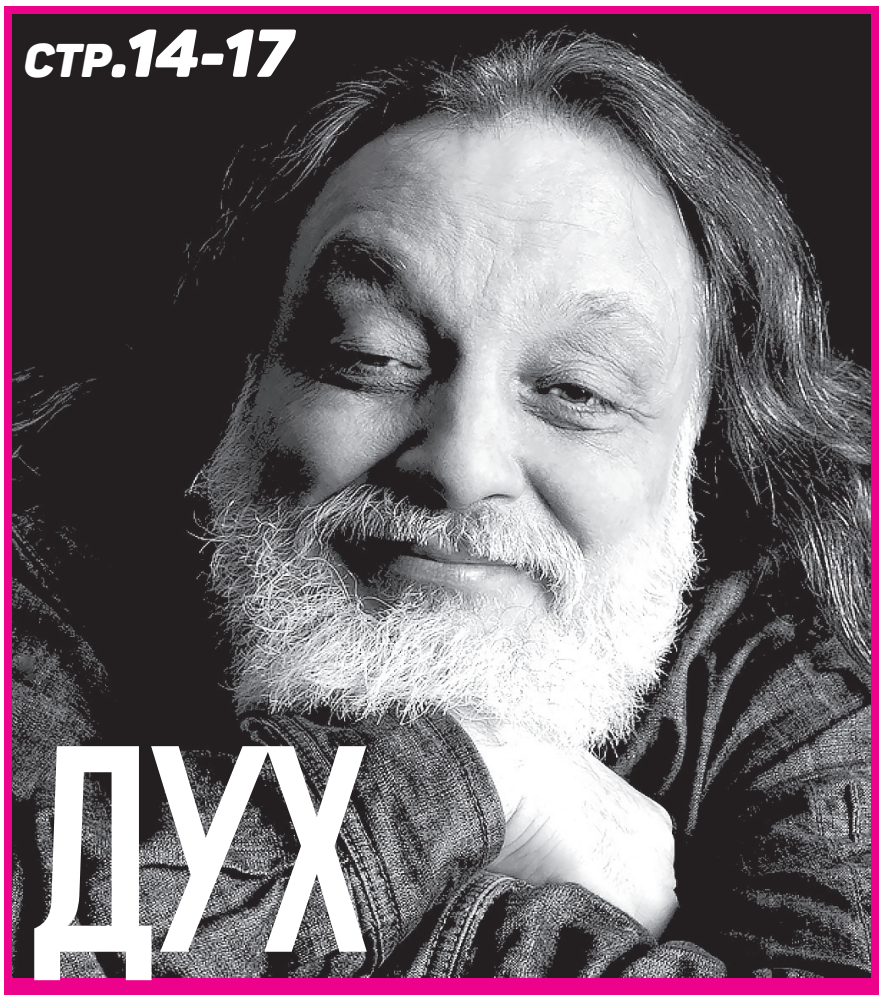
ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА

№7 (192)
ФЕВРАЛЬ 2024



СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ



ДУХ ДОБРОТЫ

НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ

НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ

Советская актриса театра и кино Татьяна Окуневская. Ее в полной мере, как и многих жителей СССР, коснулись и радости и трагедии, и слава и лагеря. Она была твердой и мягкой, выносливой и слабой. Она любила и была любимой. Ее не стало больше двадцати лет назад... Жила Татьяна Кирилловна в однокомнатной квартире неподалеку от станции метро «Динамо». Из мебели в ее квартире были лишь шкаф, письменный стол, софа и небольшое кресло.

Геннадий Норд

- Татьяна Кирилловна, что это у вас за бюст на шкафу стоит? Александр Блок?

- Все так думают. А это философ Марк Аврелий. У меня в квартире всего две ценные вещи - этот деревянный бюст и мой портрет. Узнаете? Это я в молодости. Вы же видели фото моей дочери? Мы с ней совсем не похожи - ни внешне, ни внутренне.

- Странно, что вы живете одна...

- Меня многие считают сумасшедшей. У меня был поклонник - молодой профессор, который ждал, когда я вернусь из лагеря, не женился. Сейчас он уже академик. Дочь говорила мне:

- Ты с ума сошла. У него дача, две машины, квартира. Выходи за него и будешь жить беззаботно.

А у меня тогда не было ни кола, ни двора. Но я на него посмотрела, и меня чуть не вырвало. Как же я могла бы жить с таким человеком?

- Не спрашиваю про дни рождения, но вы как-то отмечаете Татьянин день?

- На Татьянин день я всегда первая поднимаю рюмку, хотя ненавижу застольные тосты: «Выпьем за Окуневскую!» Этот день я справляю всю жизнь, где бы я ни была. В моей маленькой однокомнатной собираются давние друзья. Среди них нет людей из мира кино. Единственным исключением была Зоя Федорова, с которой мы дружили и были далеки от, как я называла, «кинематографического Уолл-стрита», где мужья снимали своих жен и больше никого туда не пускали. Она была у меня на Татьянином дне.

- Татьяна Кирилловна, а почему вы не любите тосты?

- Это так же глупо, как речи на поминках. Я уже оставила внуку «завещание»: «Умоляю! Не говорите на моих поминках речей и музыки печальной не хочу. Пусть поют Элвис Пресли, Том Джонс и мои любимые “Битлз”».

- Не скажешь, что это музыка вашего детства!

- Мы вам кажемся глубокими стариками, а на самом деле, вдумайтесь, вся эпоха кро-о-шечная! Я хорошо помню, как мы с двоюродным братом Левушкой, закрывшись в нашей комнатушке от страшного мира коммуналки, чуть ли не пальцами крутили пластинки Вертинского! А в коридоре стояли крик, шум, грохот, мат. Почему Вертинский в этом ужасе? Какой бы я была, если бы не было этих заезженных, хриплых пластинок, привезенных из Парижа? Вот скажите, я могла бы вырасти на Демьяне Бедном? Как вы думаете?

- Но ведь все мы в школе учили Демьяна Бедного и Маяковского.

- Я до сих пор Маяковского не читала и читать не буду! Нас, конечно, заставляли в школе учить про «красную паспортину». Но моя жизнь все же отсчитывается от Вертинского. Я ненавижу политику, но если меня спрашивают, в чем катастрофа, я говорю: «В советском воспитании. Два притопа, три прихлопа». Ни интеллекта, ни-че-го. Я очень волнуюсь за своих правнуков. Как их поднять? Отдать за безумные деньги в школы для

«новых русских»? По мне уж лучше в общую школу.

- Кстати, а как называлась ваша школа?

- Трудовая и единая. 24-я на Новослободской. Правда, из школы меня выгнали, как только родителей лишили избирательных прав. Мои родители даже были в фиктивном разводе, лишь бы нас не трогали. Папа, офицер царской армии, все время где-то скрывался и все равно успел три раза отсидеть в тюрьме. Когда его в 1937-м расстреляли, мама, которая до этого все время говорила, что папа в командировке, все мне рассказала. Дочерью врага народа я стала еще в третьем классе. Я так плакала, совершенно не понимая, за что меня, такую хорошую, выгнали?

Папа меня утешал и одновременно воспитывал:

- Это за то, что ты все время дерешься с мальчишками и не чистишь ботиночки.

Я тут же бросалась чистить ботинки, но это почему-то не помогло. Заканчивала я школу напротив театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Директор, работавший еще в классической гимназии, скрыл «факты» моей биографии.

- Ну, а пионерский галстук. В каких вы были с ним отношениях?

- У меня была почему-то к нему самая настоящая ненависть. Может, потому что его носили самые дрянные мальчишки нашего класса, с которыми я непрерывно дралась. Я была отпетая хулиганка! Это продолжалось до тех пор, пока мальчишки не объединились и не скинули меня со второго этажа.

- Думали ли вы, падая со второго этажа, что станете кинозвездой?

- Никогда. Я абсолютно доверяла отцу, даже в выборе профессии: «Папа все за меня придумает».

О кинокарьере не могло быть и речи, я знала, как он плохо к этому относился. Я всюду пристраивалась за братом Левушкой, который учился на архитектурном и подавал большие надежды. Я старательно чертила за него, хотя в рисовании была абсолютная бездарь: моя нарисованная кошка была скорее похожа на арбуз. И это при моем неусидчивом характере! Но тут меня сбили с дороги, пригласив в кино.

- Вы считаете, что это был несчастный случай?

- А бог его знает! Неизвестно, куда бы меня занесло, если бы не кино. Но если бы начать всё сначала, то ни за что бы не стала актрисой. Это мучительная профессия. Отвратительная, унизительная, зависимая.

- Вас случайно пригласили в кино?

- Как-то на улице ко мне подошли двое мужчин и предложили сниматься. Я ответила:

- Что вы! Мой папа будет против.

Во второй раз меня уже специально искали для фильма «Пышка». Мой адрес был уже известен. Нам в ту пору нечего было есть: папа опять был в «командировке». И я согласилась ради спасения семьи.

- Вы, наверное, и не подозревали у какого режиссера дебютировали!

- Михаил Ромм? Да он еще никакой был режиссер. Просто скульптор. Это был его первый фильм. Он хуже меня метался: как снимать, что делать? А актеры там собрались знаменитые. Раневская, Горюнов, Репнин. Он сам к ним присматривался, как играть. Совершенный новичок.

- Интересно, а как тогда снимали «фильму» на «Мосфильме»?

- Сейчас все жалуются: «Ах, как трудно снимать!» Если бы они знали, что в 1934-м весь «Мосфильм» не отапливался зимой. И свет давали только ночью. Все артисты сидели в костюмах и клевали носом. Включали свет, режиссер давал команду: «Проснитесь!» Мы, позевывая, входили в кадр. Но самое большое испытание нас ждало в сцене, где мы ели в дилижансе «исходящий реквизит»: белый хлеб, курицу, яйца, вино. Ромм бегал и умолял нас:

- Делайте только вид, что едите, а то курицу больше не достать.

Где-то за безумные деньги удалось достать виноград «дамские пальчики». Мы не могли даже смотреть на это великолепие. После команды «Мотор!» все

кидались на еду и моментально съедали. А у меня к тому же был кошмарный аппетит: молодая кормящая мать. Моя мама приносила дочку Ингу мне на «Мосфильм», чтобы я ее покормила грудью.

- Вам было лет восемнадцать, когда вас снимали в «Пышке», когда же вы успели замуж выйти?

- В семнадцать! Дмитрий Варламов был вгиковец и, как он утверждал, любимец Эйзенштейна. Только ничего путного из него не вышло. Митя, увы, был не нашего круга. Знаете, тогда были такие выдвиженцы из комсомола. Я влюбилась в него без памяти и объявила папе, что выхожу замуж. Мой бедный папа стоял на коленях:

- Девочка моя! Ты еще так молода, ты еще ничего не понимаешь.

Я его не послушалась. Мы прожили три года, и, только когда у меня родилась дочь, я поняла, что же папа имел в виду. Я вернулась к родителям и, несмотря на то, что Варламов меня уговаривал вернуться к нему, не поддалась на уговоры. Кстати, когда арестовали папу, муж побежал в партком и повинился, что проглядел врагов народа. Но что с него взять?

- Ваш второй муж, писатель Борис Горбатов, был уже из советского высшего общества.

- Я не хотела замуж, особенно после Мити. Но когда расстреляли отца и бабушку, мамину маму, мы остались без средств к существованию. Вдобавок меня из театра выгнали. С Борисом меня познакомил кто-то из киношников. Горбатов спас нашу семью от голодной смерти, так что мое замужество - это скорее акт благодарности. Ведь что ни говори, а жениться на отверженной - это красивый поступок. Ведь его могли исключить из партии. И прощай, карьера!

- Как он ухаживал за вами?

- Ухаживать он не умел, как, впрочем, все наши несчастные советские мужчины. Он предложил мне писать вместе сценарий. В Переделкино мы сочиняли сценарий, который до сих пор хранится

где-то на «Мосфильме». Было очень весело. Мы были молоды, познакомились и подружились с Симоновым и Долматовским. Представьте, нам было всего по двадцать лет!

- А Симонов не пытался отбить вас у Горбатова?

Окончание на с.6

С Борисом Горбатовым на приеме

Окончание. Начало на с.5

- Я помню глаза Симонова, и он на меня претендовал, пожалуй. Но ведь он был совсем мальчишкой.

- Я думал, кстати, что вы живете в огромном сталинском доме с мемориальной доской Горбатова.

- В квартире на Беговой я жила пять лет, пока меня не арестовали. Сейчас там живет его третья жена, актриса Театра Сатиры. После моего ареста Бориса тут же развели со мной - в КГБ. И уже в эту квартиру не пустили.

- Он не стал, как Михаил Калинин, просить Сталина освободить любимую жену?

- Он оказался трусом. Боюсь, даже предателем. Он умер за 3-4 месяца до моего освобождения. От страха. Видел, что все вокруг меняется и оттуда начинают возвращаться. Узнал от мамы, что я жива. Я была уверена, что, если посмотрю ему в глаза, он тут же умрет.

- А как вы с ним начинали жизнь?

- У него и у меня не было ни кола ни двора. Он ушел от первой жены с грязным ящиком, где лежали старые сапоги и старая подушка. И все. Даже чемодана не было.

- И это называется брак по расчету? Вы с вашей красотой могли бы найти партию и получше!

- Я не понимала, что была красива. Клянусь вам, я не кокетничаю. Да, я могла бы выйти замуж, предположим, за члена ЦК или за какого-нибудь генерала. Но в то же время не могла. Категорически.

- Часто ли к вам ходили писатели?

- Вы знаете, Бориса почему-то не любили писатели. К нам почти никто не ходил. Изредка заходил Твардовский, один раз Фадеев. А потом, я не любила эти светские визиты. Я работала день и ночь в Театре Ленком и без конца снималась. К тому же я еще и запела. Много времени отнимала дочь. А потом, я и сейчас этого не люблю.

Недавно специально позвонила своим друзьям-филологам:

- Скажите, как заменить слово «тусовка»?

А они мне спокойно отвечают:

- Это новое слово двадцатого века, которое заменить нельзя.

Теперь, когда я звоню подруге, то сообщаю:

Борис Горбатов

Иосип Броз Тито

- Я еду на… раут.

Ненавижу эти идиотские «тусовки», они отнимают жизнь. Мечтаю об одном - чтобы меня никто не трогал.

- И все же на одном из приемов вас увидел «черный человек».

- Тогда в Кремле Сталин часто устраивал ночные концерты. Из мира кино приглашали Марка Бернеса и меня. Как-то вечером мне позвонили и сказали, что Иосиф Виссарионович просит меня приехать на ночной концерт. За мной заехала машина, в которой сидел незнакомый мужчина.

Он представился:

- Лаврентий Берия. Вы знаете, у них в Кремле до сих пор идет военный совет, мы переждем у меня.

Мы поехали к нему в особняк. Стол ломился от яств. Берия стал есть и пить, периодически позванивал из другой комнаты Сталину. Потом он вышел и объявил, что концерт не состоится. Я оказалась в клетке. Безвыходность.

Я встала, чтобы ехать домой. Он сказал, что теперь можно выпить и что, если я не выпью этот бокал, он меня никуда не отпустит. Я стоя выпила. Он обнял меня за талию и стал подталкивать к двери и, противно сопя в ухо, тихо сказал, что поздно, что надо немного отдохнуть, что потом он меня отвезет домой. И все, провал.

- Как повел себя Горбатов?

- Когда он узнал о произошедшем, то, забегал мелкими шажками, затылок налился кровью, что-то залепетал. И в результате не он, а я вынуждена была его успокаивать.

- А вы его любили?

- Нет, я его никогда не любила. Сначала не поняла этого. Горбатов был из чуждой мне среды - другие привычки, взгляды, чувства.

- Почему не ушли, когда поняли это?

- А как содержать семью? Продавалась? Да, продавалась. Ради мамы, дочери. Пусть в меня бросит камень, кто без греха.

Когда стала зарабатывать, хотела уйти, он божился, что изменится, вставал на колени, клялся в вечной любви. Не хватило мужества оставить его. Я думаю, что любовь надо принимать, как высочайший подарок от Бога. Друзья, знакомые, богатство, бриллианты, собаки, лошади - все это меркнет перед любовью.

Вот я встретила в лагере человека. В лагере! Где ни взглянуть, ни дотронуться нельзя. Ничего! И в первый же момент между нами что-то прошло, как ток от высокого напряжения. Мне тогда поручили организовать в лагере театральную группу, этот человек был в ней. Упаси боже, чтобы кто-нибудь что-нибудь заметил: его бы немедленно убрали и послали бы на лесоповал. Он тайком передавал мне свои стихи.

И только однажды... Нас вели на концерт. Зима. И вдруг повалил снег. Такой крупный, хлопьями, какой увидишь только в Большом театре. Как в сказке. И сразу конвой:

- Стой! Стрелять будем!

Мы встали. Перед глазами снежная пелена. Руки своей не видно. Я стою. Он рядом. И вдруг так спокойно его мягкие губы слышу. Слышу. Такое нежное объятие. Это длилось, по-моему, несколько лет, не меньше. Мы застыли. Все исчезло, если бы мы даже голые на снегу стояли, мы бы этого не заметили. И конечно, попали бы в карцер. Но вот моя приятельница, увидев, что снег начинает редеть, так тихо взяла и просунула между нашими лицами руку в варежке. И все. На этом все закончилось.

В нашей любви был один-единственный поцелуй, который я, если бы прожила триста лет, никогда не смогла бы забыть. Он остался в моей душе, сердце, теле. Один-единственный поцелуй.

- Вы служили в Ленкоме и дружили с Валентиной Серовой, которая была замужем за Константином Симоновым.

- И наблюдения за нашей жизнью, которая то и дело переплеталась, хватило, чтобы многое понять.

- А каким был Симонов?

- Костя? Он вообще-то не был ужасным человеком. Он был коммунист. И этим все сказано. Жесткий, карьерист железный. Никогда не делал то, что могло как-то помешать его карьере. Не могу сказать, что талантливый. Скорее способный. Хотя стихи писал очень плохие. «Жди меня» - пожалуй, одно из худших. Проза у Симонова гораздо лучше. Он знал и понимал войну.

В отличие от Горбатова. Этот был тупицей. Его «Непокоренные» - банальная книга, как дважды два четыре. Я, конечно, читала его книги. Но знаете как? Как в анекдоте. Здоровый дебил изнасиловал пятилетнюю девочку, и на суде его спрашивают, как он мог такое совершить. А дебил отвечает:

- Как-как. Насилую и плачу, насилую и плачу.

То же самое и я.

Костин брак с Серовой тоже не был идеальным. Он изменял ей, она - ему.

Самой красивой парой были Александров и Орлова. Интеллигентной какой-то. Мне кто-то рассказывал, как попал на прелестную дачу Орловой. Она там все так оформляла, какие-то цветочки, занавесочки. В то время, когда мы были нищими, это все казалось раем. А после ее смерти и смерти Григория Васильевича их родственник все сдал в аренду, свалив вещи Орловой в кладовку. Так страшно... Я с Любовью Петровной общалась только по работе. Хорошо помню ее. Изящная, мягкая, очень способная. Она была отличной опереточной актрисой.

Я вообще была знакома со многими талантливыми людьми. С Раневской познакомилась, когда снималась в «Пышке». Фаина была очень интересным существом. Не гений, как ее пытаются сейчас выдавать, но довольно талантлива. В последние годы жизни у нее была какая-то сволочь-домработница, которая забирала у нее все деньги за то, чтобы два раза в день вывести на прогулку ее песика. Такая наглая! У Раневской помимо актерства было особое мышление, с которым, что бы она ни играла, все было интересно. Сегодня все торгуют ее высказываниями, пишут о том, что она была лесбиянкой.

- Врут?

- Я помню, как в перерывах между съемками «Пышки» я переодевалась, и вдруг в гримерку вошла Раневская. Я инстинктивно, словно появился мужчина, попыталась прикрыться. Хотя тогда о лесбиянстве ничего не знала. Но это мои ощущения шестидесятилетней давности. Что теперь об этом говорить? Вот напишу продолжение своей книги, обо всем узнаете.

- Первая книга «Татьянин день». А вторую часть назовете «Татьянин век»?

- Это как получится. Мне скоро девяносто, а там - посмотрим. Кстати, после выхода моей книги многие на меня обиделись. Некоторые до сих пор не разговаривают. Вокруг меня всегда были интриги. Даже сегодня и то плетут бесконечные сплетни. Но я ведь старуха, кому я нужна?

- Может, не могут простить откровенности?

- Я всегда говорила только то, что думала. Из-за этого и страдала. Когда ко мне приходят мои поклонники и спрашивают, почему я не держала язык за зубами, отвечаю, что тогда я была бы не я.

И разве лучше бы стало от того, что мы с ними встречались бы не в этой комнате, а в огромных хоромах депутата Верховного Совета, пятижды народной артистки СССР, девятижды лаурета всех премий? И они не задают больше таких глупых вопросов.

- Татьяна Кирилловна, вы одна из первых попали за границу после войны. Выпускали обычно балерин и скрипачек.

- Меня вызвал к себе некто Вознесенский, кстати, его вскоре расстреляли, и сказал:

- Мы хотим, чтобы там увидели, какие у нас есть звезды.

Ведь в Европе думали, что советские женщины все или санитарки, или снайперы, которые на улицах освобожденного Парижа распевают «Расцветали яблони и груши».

Я объездила с концертами пять стран. Невероятный успех меня ждал в Югославии, где уже шел фильм «Ночь над Белградом» и хорошо знали песню из этого фильма. Броз Тито через посла пригласил меня к себе на прием. Там был потрясающий обед. Потом в Москве меня без конца спрашивали в КГБ:

- Сколько было всего генералов?

- 25.

- А в прошлый раз вы говорили 26.

- Тито вам тогда подарил знаменитые черные розы?

- Это была дивная встреча. Он пришел ко мне с розами, на которых еще не высохла роса. Он сразу честно предупредил, что жениться на мне не сможет. В Югославии тогда очень отрицательно смотрели на браки с иностранцами. Тито не смог жениться даже на немке, которая спасла ему жизнь. Он предложил мне остаться в Хорватии, где для меня построили бы киностудию.

- Потом мы поженимся.

Я могла бы там остаться, меня бы спрятали. Это было в 1946-м. Но я вернулась домой. С тех пор на каждый мой спектакль «Сирано де Бержерак» мне присылали от Броз Тито корзину черных роз. Посол Югославии по его приказу привозил их в Театр Ленком. Так продолжалось до декабря 1948-го, когда за мной пришли.

- А, правда, что при аресте даже ордера не было?

- Мне показали записочку: «Вы подлежите аресту. Абакумов». Мне потом часто говорили, что я могла и не идти. Ничего подобного, они творили всё, что хотели. Только на десятый день мне вручили ордер на арест. На одном из допросов следователь стал намекать, что я раньше была с Абакумовым знакома. Оказывается, Абакумов полез ко мне с поцелуями в гостинице «Москва», а я дала ему пощечину. Я об этом забыла, но «добрый следователь» напомнил. Видела его я и на новогоднем вечере в ЦДРИ, куда он пришел специально посмотреть на меня.

Но почему же он так и не решился на свидание со мной на Лубянке, где я была целиком в его власти? До сих пор не пойму. Там были специальные комнаты, где женщин насиловали. Кричи не кричи, ну кто придет на помощь?

- Царица экрана в каменном мешке Лубянки. Когда вы услышали, что Берия и Абакумов расстреляны, что вы почувствовали?

- Я узнала об этом в лагере. Мне было так плохо, что я ничего не почувствовала. Свобода и прошлая жизнь были далеко.

- Вы уже там начали писать свою книгу?

- Мысленно - да. Я дала себе клятву, что напишу правду о лагерях. Ближайшая от нас деревня даже не знала, кто мы - лагерники. А тем более вся страна. Сейчас я пишу вторую часть книги «Татьянин день». Все мои дни рассчитаны по минутам, чтобы успеть ее закончить. А вдруг умру. Правда, я себя хорошо чувствую. Если что, просто постою на голове и порядок!

- Вы серьезно занимаетесь йогой?

- А как же! Когда я вернулась, во мне было 48 килограмм. Меня осмотрел свекор моей дочери, крупный гомеопат, и сказал:

- Настолько все плохо, что капля лекарства для вас яд.

И вот я уже много лет сижу регулярно в позе лотоса, стою на голове и по утрам обливаюсь ледяной водой. А еще я ем ровно один раз в сутки. Дочь считает это сумасшествием, а я где-то узнала, что Ницше тоже ел один раз в день.

- Жизнь вам после лагеря показалась...

-...ужасающей. Я вернулась с лагерным мешком за спиной. Хорошо, что похудела - все дочкины вещи стали мне впору. Сняла комнату, стала ездить по стране с концертами, зарабатывать деньги на квартиру. А вокруг разруха, все в развалинах. После шести лет в лагерях я не узнала Москву: пьянство, разврат. Травить меня стали еще сильнее, чем до ареста. Порой я думала, что лучше бы осталась в лагере, там было даже легче. Главному режиссеру запрещали давать мне главные роли в театре.

- Мне показалось, что театр вы любите больше, чем кино?

- Я считаю, что вообще ничего не сыграла в кино. Все было плохо или не мое. Свои лучшие роли я сыграла в театре. Знаете, какая смешная история случилась с моей Роксаной? На фестивале «Кинотавр» в Сочи на одном из вечеров встает милый человечек и громко просит его выслушать:

- Мне было лет 12, и я был абсолютным шалопаем. Неизвестно, кем бы я стал, если бы нечаянно не попал на спектакль «Сирано де Бержерак». Я увидел на сцене артистку, которая перевернула всю мою жизнь. Она здесь. Это была Окуневская.

А человечек этот был Егор Яковлев, редактор «Общей газеты».

- Ваша последняя роль в кино?

- «Принципиальный и жалостливый взгляд» Александра Сухочева. К сожалению, нет денег на копии фильма. А очень жаль, ведь это моя последняя «фильма»!

- Вы считаете, что ваша жизнь удалась?

- Я прожила жизнь так, как считала нужным. И довольна ею. Тяжелая ли это штука - жизнь? Очень. Кто-то из умных сказал, что характер человека - это его судьба. Я-то до этого доперла своим деревенским умом. А по жизни так оно и есть. Существуют десять библейских заповедей. Вот их и надо соблюдать. И все.

А вообще, кто я? Просто счастливая женщина, прожившая свою жизнь так, как считала нужным. И ни о чем не жалею.